

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI 10.31029/vestdnc98/18

УДК 811.359

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВАЯ ПРАКТИКА ПАРАЛЛЕЛЬНЫ?

К. Р. Керимов, ORCID: 0000-0003-0550-9984

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

ARE LANGUAGE THEORY AND LANGUAGE PRACTICE PARALLEL?

K. R. Kerimov, ORCID: 0000-0003-0550-9984

Daghestan State University, Makhachkala, Russia

Аннотация. Теоретические знания о грамматической системе лезгинского языка существенно обновились за последние десятилетия. В «Современном лезгинском языке» 2009 г. – книга задумывалась как нормативная, на которую ориентируются литература, в том числе учебная и справочная, издательская работа, СМИ и др. – представлены теоретические знания о грамматическом стиле лезгинского языка, сложившиеся на период 50-х годов прошлого века. Последующие десятилетия характеризовались весьма интенсивным развитием лингвистической теории в целом и теоретических представлений о грамматической системе лезгинского языка в частности. Некоторые стержневые грамматические категории лезгинского языка впервые получили теоретическую интерпретацию в свете существенно обновившейся лингвистической парадигмы. Но результаты таких исследований не отразились на содержании «Современного лезгинского языка» 2009 г.

Abstract. Theoretical understanding of the Lezgin grammatical system has advanced significantly in recent decades. However, the 2009 normative reference work - The Modern Lezgin Language, intended for use in literature, education, publishing, and media - is grounded in the grammatical theory of the 1950s. The intervening period was marked by intensive development in linguistic theory, which led to a substantially updated paradigm for analyzing the Lezgin language. Within this new framework, several core grammatical categories received their first in-depth theoretical interpretation. Despite these scholarly advances, the content of the 2009 publication fails to reflect subsequent research findings.

Ключевые слова: лезгинский язык, теория языка и языковая практика, аутентичность грамматического описания.

Keywords: the Lezgin language, language theory and language practice, authenticity of the grammatical description.

Задача языкоznания состоит, прежде всего, в том, чтобы путем истолкования явлений речи сделать язык общепонятным и благодаря этому удобным для языкового общения. Иначе оно может превратиться, как выразился Ж. Вандриес, в «игру, по существу, праздных умов» [цит. по: 1, с. 62].

Жозеф Вандриес был известным теоретиком общего и сравнительно-исторического языкоznания, связь которых с языковой практикой опосредована и поэтому не столь очевидна, и остроумное замечание классика приводится Ю.В. Рождественским для усиления тезиса о значимости теории языка – даже таких специфических ее отраслей, как компаративистика – для языковой практики. Любая область теории языка в конечном итоге, помимо решения каких-либо специальных задач, служит и для получения непротиворечивых, ясных и удобных для логического осмысления трактовок речевых фактов в грамматиках описательного, таксономического плана, которые, в свою очередь, служат теоретической базой для учебной и справочной литературы, т.е. для языковой практики.

Надо полагать, грамматика любого языка тем яснее и доступнее для осмысления и усвоения, чем **аутентичнее** она истолковывает явления речи. При этом очевидно и то, что получением на каком-то этапе описания, удовлетворяющего достигнутому уровню лингвистической теории, исследование системы языка не исчерпывается. Синхроническое описание языка, составление его грамматики – не единовременный акт. Это процесс бесконечного приближения модели грамматической системы языка, которая строится лингвистами и предлагается в одном-двух томах грамматики, к «оригиналу», т.е. к той модели, которая реально функционирует в этом языке. Поэтому описание русского языка в «Русской грамматике» 1980 г. ближе к «оригиналу», т.е. аутентичнее, чем описание, предлагавшееся в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова, составленной в 1755 г. И это естественно – ведь лингви-

стическая парадигма, при помощи которой исследуется языковая система, сама постоянно развивается, становится совершеннее. Лингвисты исследуют язык эффективнее, находя все более точные, а потому и ясные толкования языковых структур. Обнаруживают грамматические явления, незамеченные прежде, не осмыслиенные еще закономерности, неточно либо неверно интерпретированные предшественниками.

После М.В. Ломоносова русский язык исследовался с применением новых лингвистических знаний, и в это исследование вносили свой вклад отечественные и зарубежные лингвисты последующих поколений. Поэтому такая проблема, как качественное таксономическое описание, для него сейчас не очень актуальна. Вряд ли в его системе остались грамматические категории или формы, которые не замечены и не представлены в русских грамматиках. Для дагестанской лингвистики эта задача остается весьма актуальной. В каждом из дагестанских языков можно обнаружить грамматические категории, формы, которые либо просто остались вне поля зрения лингвистов и поэтому не эксплицированы в теоретических и учебных грамматиках, либо эксплицированы, но неполно, иногда и неверно истолкованы. И такие упущения естественным образом преодолеваются по мере развития лингвистической теории. Но не всегда. Иногда новое с трудом воспринимается.

Наши наблюдения касаются, прежде всего, описания лезгинского языка, но из общения с лингвистами, занимающимися другими дагестанскими языками, знаем, что там ситуация аналогичная. Коллеги, с кем мы делились этими соображениями, соглашались: да, некритично переносим из прежних изданий в новые устаревшие трактовки грамматических явлений, хотя имеются публикации, диссертации с новыми наблюдениями и интерпретациями. Подчеркнем, речь идет не о том, чтобы что-то критиковать. Речь о том, чтобы не останавливаться на сделанном, а продолжать исследование языков, но уже с использованием новых возможностей, предлагаемых современной лингвистической теорией¹.

В названии этого текста, а также в уже приведенных суждениях читатель, наверное, ощутил нашу неудовлетворенность какими-то обстоятельствами. Чтобы была понятна причина этой досады, предлагаем пару показательных примеров того, как могут изменяться интерпретации языковых категорий в свете новых теоретических представлений о языках. Начнем с простого и легко поддающегося логическому осмыслению примера.

В русском языке имеется грамматическая категория степеней сравнения прилагательных и наречий. Ее аффиксы *-ее*, *-е* четко ассоциируются у знающих русский язык с значением *неравенства* (*различия*) между какими-либо сравниваемыми объектами, а конкретнее – семантическими признаками *супериорности* (превосходства: *теплее, выше*) либо *инфериорности* (уступки, недостаточности: *слабее, ниже*). Эти аффиксы являются регулярными стандартными (т.е. *грамматическими*) средствами выражения семантики *неравенства* (*различия*) объектов по признаку, который служит *основанием сравнения*. Для обозначения различных вариантов сравнительной семантики используется термин *компаративность* (< *comparison* ‘сравнение’). Семантика компаративности так или иначе выражается в каждом языке разными (грамматическими и неграмматическими) способами. Признаки компаративной семантики относятся к числу языковых значений, отражающих результаты одной из центральных *когнитивных* операций мышления – сравнения. Именно сравнение лежит в основе осмыслиения человеком явлений окружающего мира, в основе их категоризации и систематизации. Важность сравнения как операции мышления во взаимодействии человека с окружающей средой и с обществом обусловливает и высокую частотность использования этой операции в *речи-мысли*. Поэтому логично ожидать тенденции к ее стандартному, т.е. грамматическому выражению. Считается, что в языках, как правило, регулярно грамматически выражаются степени сравнения прилагательных и наречий. Объяснение этому находят в том, что при сравнении объектов, состояний или качеств сопоставление производится на основе при-

---

¹ К этому вопросу адекватно относился проф. Ражидин Идаятович Гайдаров. Он был на редкость воспримчив к новому, искал убедительные, обладающие большей объяснительной силой толкования грамматических единиц, без обиняков полемизировал с тем, что считал неверным. Когда я принес ему рукопись своей «Контрастивной аспектологии лезгинского и русского языков», он с интересом согласился ее читать. Я писал эту работу сразу в виде книги, и представил на кафедру, а затем и к защите в Институт языкоznания РАН именно в формате книги, а не диссертации. Когда я пришел, чтобы уже выслушать его мнение, он согласился быть ее ответственным редактором. А еще, когда я уже уходил, он с грустью сказал: «Я так вам, молодым, завидую – вам доступна такая современная лингвистическая теория, столько интересного и нового. У нас ничего этого не было, ни такой литературы, ни таких возможностей».

знаков, обозначаемых прилагательными либо наречиями. Исходя из такой презумпции, а также с ориентацией на категориальную систему русского языка, где имеются формы степеней сравнения, традиционно осуществлялось исследование семантической сферы компаративности в дагестанских языках. В их описаниях либо констатируется отсутствие таких форм, либо в качестве их семантических аналогов приводятся конструкции с исходными падежами имени *эталона сравнения* при неизменном прилагательном. Уже этот факт дает повод полагать, что грамматикализация компаративности может происходить и в обозначениях самих сравниваемых объектов, а не обязательно в формах прилагательного или наречия, обозначающих признак, служащий *основанием сравнения*. Логически это можно объяснить следующим образом. При выявлении *равенства* или *неравенства* результатом сравнения является, в первую очередь, не установление степени принадлежности *объекту* и *эталону сравнения* одного и того же признака, а установление сходства либо различия самих сравниваемых объектов по этому признаку. Т.е. равны или не равны (по какому-либо признаку) могут быть именно сами сопоставляемые предметы. Поэтому и концептуализации результата сравнения правомерно ожидать также в обозначениях самих объектов, а не только в обозначениях их признаков прилагательными или наречиями. Такому, альтернативному, варианту грамматикализации компаративности отдают предпочтение дагестанские, и в частности лезгинские, языки. Отсутствие форм степеней сравнения прилагательных и наречий не означает отсутствия в этих языках стандартных (т.е. грамматических) способов выражения компаративности. Искать их следует с использованием подходов, не ограничивающихся формами степеней сравнения прилагательных и наречий. Эффективным в этом плане является описание с опорой на комплекс универсальных по своей природе семантических признаков сферы компаративности (такой подход предлагает серия изданий «Теория функциональной грамматики» под ред. А.В. Бондарко [8]), а также на лингвистическую типологию, демонстрирующую многообразие форм языкового выражения в языках мира.

По наблюдениям, опубликованным в течение последних лет, семантические признаки сферы компаративности в лезгинских и других дагестанских языках грамматикализуются формами имен самих сравниваемых реалий. Среди способов выражения компаративности имеются морфологические структуры, специально предназначенные для этой функции, и конструкции, использующие в «несобственных функциях» грамматические формы пространственных падежей. К *ядерным*, т.е. грамматическим морфологическим формам выражения категории компаративности, относятся синтаксемы с семантикой равенства. В лезгинском языке, например, они состоят из падежных форм имени *эталона сравнения* и энклитик: *-хътин* ‘подобный, такой как’ – при сравнении объектов; *-хъиз* ‘подобно, так же как’ – при сравнении ситуаций; *-къван* ‘столько же’ – при квантифицирующем сравнении. Эти энклитики наиболее специализированные средства оформления компаративности в лезгинском языке, они выполняют функцию выражения признака *равенства, сходства*. А признак *неравенства* выражается конструкциями, использующими в несобственных функциях формы местных падежей и лексические единицы с семантикой *супериорности* либо *инфериорности*. Таким образом, энклитики: *-хътин* ‘подобный, такой как’, *-хъиз* ‘подобным образом, так же как’, *-къван* ‘столь / столько же’, – образуют грамматические формы, объединенные инвариантным семантическим признаком *равенства (сходства, подобия, идентичности)*, противопоставленные граммеме *неравенства (различия)*, т.е. структурируют – в полном согласии с теорией морфологических грамматических категорий – **морфологическую грамматическую категорию сравнения**. Аналогичные грамматические формы обнаружены и эксплицированы в лакском, даргинском, аварском языках в публикациях и диссертациях наших аспирантов и магистрантов. Разрозненные наблюдения над значениями некоторых граммем этой категории присутствовали в литературе по лезгинскому языку со временем П.К. Услара (например, у Гайдарова, Хаспельмата, Талибова и др.), но в целостном виде – как самостоятельная морфологическая грамматическая категория со своей структурной организацией – она была интерпретирована нами в [2, с. 217–224; 3, с. 666]. Эта категория ждет своих исследователей, которые бы, образно говоря, фронтально описали ее на уровне, позволяющем включить ее в теоретическую и учебную литературу.

Разумеется, описания обсуждаемой выше категории сравнения, открытой в лезгинском языке только в 2013 г., не могло быть в «Современном лезгинском языке», вышедшем в 2009 г. Но есть грамматические категории, которые задолго до этого уже получили фундаментальное теоретическое обоснование и фронтально описаны. Но ни в теоретических грамматиках, ни в учебной литературе они почему-то никак не представлены. Например, **категория вида/аспекта лезгинского языка**.

Не только лингвисты, но и любой человек, изучавший русский язык, знает, что глаголы русского языка имеют грамматическую категорию вида – они бывают совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) видов. Он может также сказать, что, например, глаголы *писать* и *написать* отвечают на вопросы *Что делать?* и *Что сделать?* Может даже предложить тривиальное толкование семантического различия между ними: *писать* обозначает несовершенное (или незавершенное) действие, а *написать* – совершенное (или завершенное). Глагол любого языка генерирует структуру высказывания, от его семантики («валентности», наподобие валентности атомов химических элементов, которую, кстати, сначала называли «соединительной силой») зависит синтаксическая структура предложения, при помощи которого собственно и осуществляется коммуникативная – главная – функция языка. А категория вида – стержневая грамматическая категория глагола. Поэтому в академической «Русской грамматике» 1980 г. описание глагола начинается с категории вида [4, с. 582–613]. Значимость категории вида для словоизменительной парадигмы глагола столь же – если не более – велика, как, например, значимость категории числа для парадигмы существительного. Включаемое в высказывание существительное характеризуется в отношении числа (единственного или множественного), затем уже падежной семантикой; глагол же сначала характеризуется значением вида (совершенного, несовершенного либо неопределенного), и только затем модальными, темпоральными и другими значениями. Поэтому истолковать грамматическую форму глагола, назвав, например, ее наклонение и время, не сказав при этом ничего о виде, это примерно то же, что описать падежную форму существительного, не сказав ничего о ее числовом значении.

В упомянутой выше «Российской грамматике» М.В. Ломоносова о категории вида ничего не сообщалось [5]. Т.е. вне поля зрения М.В. Ломоносова осталась самая ныне известная черта своеобразия русского глагола – его категория вида. Как же такое могло произойти? Все очень просто: в годы жизни М.В. Ломоносова в лингвистике еще не было *аспектологии*, т.е. теории грамматической категории вида. Ее не было в том числе в классических греко-латинской и европейской традициях, под влиянием которых складывалась научная парадигма русского языкоznания. Формы глагола, выражающие видовые и временные значения, интерпретировались только как временные. Осмысление видовой семантики и ее ограничение от семантики категории времени пришли позже, в связи с исследованием вида в русском и других славянских языках. Термин *вид* вошел в грамматическую теорию под влиянием работы Н.И. Гречи (1827 г.). С русским видом было связано и появление терминов *aspect* и *akitionsart* в европейском языкоznании. Первый стал применяться в 30-е гг. XIX в. как эквивалент русского слова «вид» во французском переводе грамматики Н.И. Гречи. Второй сначала тоже был использован К. Бругманом для обозначения категории вида, но позже, в 1908 г., шведский славист Сигурд Агрелль предложил обозначать термином *akitionsart* глагольные *способы действия* (СД). В процессе формирования современного толкования русской категории вида, с ее бинарной оппозицией граммем СВ и НСВ, в русском языке находили и три, и четыре вида, а в «Русской грамматике» А.Х. Востокова их было выделено, с учетом подвидов, шесть (см. об этом: В.В. Виноградов. Грамматическая борьба за признание категории вида... [6, с. 393–397]). Т.е. одна из стержневых категорий грамматического строя русского языка получила теоретическое осмысление в грамматических описаниях относительно недавно, и ее признание прошло через «грамматическую борьбу». А уже в начале XXI в. вид/аспект трактуется в лингвистической теории как универсальная грамматическая категория, так или иначе представленная во всех языках [7, с. 9–26].

Аналогичная ситуация складывается и с признанием категории вида в грамматиках лезгинского и других дагестанских языков. Только вот причина схожей ситуации в этом случае несколько иная. В русскую грамматику категория вида входила через «грамматическую борьбу» потому, что представления об этой категории в лингвистике еще только складывались. А в дагестанских языках не обнаруживают категорию вида потому, что уже сложившаяся на основе изучения русского глагола теория вида получилась – и это вполне объяснимо – «русскоцентричной». Модель категории вида русского языка, сама по себе относительно редкая, продолжает доминировать в теоретических представлениях об этой категории вообще. Соответственно, и категорию вида в других языках ожидают увидеть схожую с ней: образно говоря, есть пары глаголов, отвечающих на вопросы *Что делать?* и *Что сделать?* – есть вид, нет таких пар – нет вида. Современный подход к исследованию категории вида и шире – *функционально-семантической категории* (ФСК) *аспектуальности* в различных языках на базе универсальных се-

мантических категорий складывается в основном после появления в 1987 г. «Теории функциональной грамматики» под ред. А.В. Бондарко [8]. В описании дагестанских языков этот подход, позволяющий осмысливать категорию вида иной структурной организации и иного грамматического статуса (словоизменительного, а не «несловоизменительного», как в русском языке), нашел применение в описаниях лезгинского [9; 10] и аварского [11] языков².

Описание аспектуальных категорий лезгинского языка в монографии «Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков» мы назвали выше «фундаментальным», имея в виду следующее. Если в статье факты морфемики лезгинского глагола соотносились с теорией грамматических категорий и постулировалось на этой основе наличие в лезгинском языке формообразовательной морфологической грамматической категории вида, то в книге формы этой категории всесторонне обсуждены на эмпирическом материале всех (!) глаголов лезгинского языка, представленных в существующих словарях и включённых в таблицы основных форм граммем видовой оппозиции. Предложена схема строения сло-

² Категория вида лезгинского языка была впервые эксплицирована в журнале «Вопросы языкоznания» в 1996 г. в нашей статье «Есть ли категория вида в лезгинском языке?» [9], а фундаментально описана в уже упомянутой выше книге «Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков» [10], изданной в 2002 г.

Думаю, информация о том, как появилась и какую академическую экспертизу прошла эта работа, здесь будет уместна, поскольку она кардинально меняет грамматическую интерпретацию глагольной парадигмы в теории лезгинского языка. В конце 80-х и начале 90-х гг. на стажировках я интенсивно работал в московских библиотеках, стремясь компенсировать пробелы в своей общелингвистической эрудиции. Работая над кандидатской диссертацией по глаголу хиналутского языка, защищенной в 1986 г., я вынес для себя наблюдение, заставившее меня очень высоко оценить значение теории для получения аутентичного толкования языковых структур. В ходе работы я сравнивал два имевшихся в то время монографических описания хиналутского языка: «Грамматику хиналутского языка» 1959 г., написанную в Институте языкоznания АН СССР Ю.Д. Дешериевым [12], и «Фрагменты грамматики хиналутского языка» А.Е. Кибрика, С.В. Кодзасова и И.П. Оловянниковой, изданную в 1972 г. отделением структурной и прикладной лингвистики МГУ [13]. Эти две книги по одном и том же языку были выполнены – и это явно ощущалось – в разных лингвистических парадигмах. Книга Ю.Д. Дешериева писалась в период, когда лингвистический структурализм в советском языкоznании, мягко говоря, не приветствовался, а книга коллектива отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ – когда структурализм был уже адекватно осмыслен и оценен. Различие было разительным – настолько эффективнее была новая лингвистическая парадигма, применявшаяся в книге МГУ. Когда я ее читал, у меня возникало ощущение, что в ней грамматическая система хиналутского языка просвечивается как рентгеновским аппаратом – авторы обнаружили и расставили по полочкам практически всю морфемику. После такой – «образной» – оценки роли более современной лингвистической теории я решил, что описание глагольной парадигмы лезгинского языка мне следует начинать с серьезного углубления своих познаний в теории и типологии грамматических категорий. Это подвело меня к знакомству с работами по теории грамматических категорий А.В. Бондарко, с формировавшейся в те годы под его руководством концепцией «Теории функциональной грамматики». Увлекшись теорией функционально-семантических полей, я решил описывать аспектуальные категории лезгинского языка на ее основе. В сентябре 1993 – мае 1994 гг. мне как раз предоставили годичную стажировку в Институте русского языка им. А.С. Пушкина в Москве для определения темы докторской диссертации. План на стажировку я должен был предлагать сам. Я выбрал стажировку по специальности «Теория функциональной грамматики. Аспектология». Такая тема соответствовала, с одной стороны, профилю моей работы в то время на кафедре русского языка как иностранного (по ней я успешно отчитался за стажировку). С другой стороны, в ходе углубленного изучения функциональной грамматики и теории функционально-семантических категорий я уже получил достаточно убедительные наблюдения о наличии в лезгинском языке грамматической категории вида чисто словоизменительного типа, устроенной совсем не так, как устроен вид в русском языке. Тогда же я написал и представил в отдел кавказских языков Института языкоznания РАН план-проспект «Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков» с обоснованием темы исследования. Отделом в то время руководил Георгий Андреевич Климов. Тема была официально обсуждена и одобрена на заседании отдела. После обсуждения Г.А. Климов предложил мне подать проблемную статью в журнал «Вопросы языкоznания» – он был тогда и ответственным секретарем журнала. В 1996 г. статья была опубликована, а 2002 г. была представлена в совет Института языкоznания РАН монография «Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков» для защиты по двум специальностям: 10.02.02 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкоznание и 10.02.20 – Языки народов Российской Федерации (лезгинский язык). Ведущей организацией совет выбрал кафедру теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова, которой тогда руководил Александр Евгеньевич Кибrik. Отзыв ведущей организации представлял на кафедру Сергей Георгиевич Татевосов – нынешний заведующий этой кафедрой. Официальными оппонентами на защите были Зинаида Михайловна Габуния, Владимир Петрович Нерознак и Букар Бекирович Талибов. Работа была очень хорошо воспринята и в Институте языкоznания РАН, и в МГУ. Обстоятельства появления этого исследования – от идеи и до выполнения и защиты – свидетельствуют о том, что она прошла серьезную академическую экспертизу на самом высоком научном уровне.

Категория вида/аспекта аварского языка была впервые описана в выполненной под нашим руководством кандидатской диссертации Хайбат Абдулатиповны Бараевой «Вид и способы глагольного действия аварского языка в сопоставлении с русским» [11]. Она была выполнена в той же концепции, что и работа по виду лезгинского языка, и защищена 2018 г.

воизменительной парадигмы, представляющая собой, по сути, алгоритм последовательного образования от видовых основ всей разветвленной системы временных, модальных и таксисных форм с их подробным членением на морфы. Т.е. наблюдения выводятся и формулируются уже на основе подробного индуктивного анализа. Категория вида лезгинского языка представлена в этой книге настолько подробно и основательно, что ее можно (и нужно было) включать в «Современный лезгинский язык», изданный в 2009 г. [14]. Но этого не произошло. Новый «Современный лезгинский язык» предлагает, по сути, представления о грамматической системе лезгинского языка, сложившиеся в середине XX в., а не ко времени издания – началу XXI в. Очень важные для аутентичного представления о системе лезгинского языка научные наблюдения, полученные за последние несколько десятилетий, на его содержании практически не отразились. В результате глагольная парадигма в «Современном лезгинском языке» 2009 г. представлена так, как если бы за основу описания глагола в «Русской грамматике» 1980 г. взяли интерпретации глагольных категорий из грамматик М.В. Ломоносова и А.Х. Востокова.

Это – о категории вида – пример того, как в теоретическом описании какого-либо языка может не оказаться даже грамматическая категория, очень важная для аутентичного осмысливания системы этого языка в целом. Чаще происходит иначе: грамматическое явление в языке обнаружено, достаточно подробно описано и включено в грамматики, но предлагаемое его истолкование не обладает достаточной объяснительной силой, вызывает сомнения у самих же лингвистов. Например, в лезгинских грамматиках словоформы, образуемые аффиксами *-ди* и *-бур* от прилагательных (также причастий), традиционно трактуются как субстантивированные прилагательные (так же и причастия). В такой интерпретации фактически речь идет о морфологической транспозиции (мутации) по регулярной словообразовательной модели. Однако присоединение к прилагательным так называемых суффиксов-субстантиваторов *-ди*, *-бур* не приводит к образованию субстантиваторов: *цИий* ‘новый’ > *цИийди* и *цИийбур* тоже ‘новый’ и ‘новые’. Въедливый студент может спросить, где же тут субстантивация, если *цИийди* ‘новый’ отвечает на вопрос *гъихътинди* / *гъим* / *гъима* ‘какой / который’, а не ‘что / кто’, т.е. это тоже прилагательное. Тот факт, что при эллипсисе определяемого имени оно, присоединив аффикс *-ди*, может склоняться по падежам, ничего еще не объясняет – русское прилагательное тоже склоняется по падежам. Но в том то и дело, что падежная парадигма и производит синтаксическую, но не морфологическую, субстантивацию. То же самое и в лезгинском языке: употребляясь в роли именного члена синтагмы, прилагательное присоединяет словоизменительную парадигму падежей. Что же тогда делают аффиксы *-ди*, *-бур*, после которых уже присоединяются форманты падежей. А они выражают семантику определенности, т.е. обеспечивают адъективам *референтную отнесенность*, на которую они в общем случае неспособны. С традиционной трактовкой так называемых субстантивированных прилагательных и причастий полемизировал Р.И. Гайдаров [15, с. 5], но другой интерпретации не предложил. Не предложил, видимо, потому, что, как и Л.И. Жирков, квалифицировавший эти морфемы как суффиксы-субстантиваторы [16, с. 44], не был знаком с типологией категории детерминации, которая тогда еще не сложилась. Мы интерпретируем эти единицы в терминах современной теории референции и показываем, что *-ди*, *-бур* это не суффиксы-субстантиваторы, а аффиксы-артикли определенности категории детерминации, аналогичные таковым, например, в болгарском или баскском языках [17, с. 102–112].

Мы привели выше в пример три морфологические категории лезгинского языка, не представленные в теоретической и учебной литературе, – категорию сравнения, категорию вида и категорию детерминации. Они открыты в лезгинском языке в последние десятилетия и, по-видимому, еще недостаточно известны и осмыслены. Но одна из них – категория вида/аспекта лезгинского языка – обсуждается в научной литературе уже почти тридцать лет и была фундаментально описана уже более двадцати лет назад. Это достаточный срок, чтобы авторы теоретических и учебных грамматик лезгинского языка могли ознакомиться и осмыслить предложенную новую интерпретацию его глагольной парадигмы. Она прошла широкую научную экспертизу в многочисленных серьезных публикациях в отечественных и зарубежных изданиях. Чтобы осмыслить актуальность присутствия описания категории вида в грамматике лезгинского языка, мы предложили выше представить себе гипотетически описание глагола русского языка в «Русской грамматике» без категории вида, или описание парадигмы имён существительных без категории числа. Такая грамматика не будет аутентичной, она не будет отражать истинное устройство языка, т.е. будет ущербной, поскольку такие категории являются стержневыми для грамматики любого языка.

Еще одна очень значимая для грамматического строя лезгинского языка категория – это морфологическая категория таксиса. Она описана в монографии [18] и докторской диссертации [19]. Таксисные *конвербы* (зависимые предикаты) выражают характер отношений между клаузами в полипредикативных синтаксических конструкциях. Для лезгинского языка не характерны подчинительные синтаксические конструкции. Отношения между предикатами маркируются морфемами в составе самих зависимых конвербов. Зависимые предикаты, функционально схожие с русскими деепричастиями, выражают практически все виды связей, представленных в русском языке системой сложноподчиненных предложений. Но это не деепричастия, это система форм морфологической грамматической категории таксиса, которых около 40. Деепричастий, в их традиционном понимании, в лезгинском языке нет, аргументация этого представлена в [20]. Ср., например: *Марф къвазмайтIани...* ‘Дождь шёл-ещё-хотя’. Здесь поморфемно: к корню *къва-* ‘идти (об осадках)’ присоединяется показатель НСВ -з, затем следует показатель континуатива -ма ‘продолжалось’, затем показатель относительных времен -й ‘тогда’, затем условного значения -тIа ‘если’, затем аффикс -ни уступительного значения ‘хотя/даже’; в итоге – ‘идти-продолжалось-тогда-если-даже’. Подобные единицы функционально схожи с деепричастиями, и они очень продуктивны в речи. Их и называют иногда деепричастиями, иного аналога для их теоретической трактовки среди категорий русской грамматики не нашлось. Но сейчас ведь уже имеется, благодаря универсально-типологическим исследованиям, теоретическая база для интерпретации таких морфологических единиц. Мы называем их *конвербами* вслед за В.П. Недялковым и Г.А. Отаиной в [21, с. 296–319].

Произошли весьма существенные изменения и в описании других сегментов грамматической системы лезгинского языка. По-новому описаны наклонения. Если У.А. Мейлановой их в лезгинском языке было установлено 7, то в докторской диссертации Э.Н. Алиевой их обнаружено 14. Все эти 14 форм – морфологические единицы выражения семантики модальности, т.е. грамматические формы наклонений [22; 23]. В связи с выявлением категории вида по-новому интерпретируется и система видовременных форм. Их в лезгинском языке 3 ряда – *имперфективного* (НСВ), *перфективного* (СВ) и *неопределенного* (НВ) видов. В свою очередь, все временные формы охватываются оппозицией абсолютного и относительного времени, морфологически разграничитывающей время перцепции ситуации и время речи [24]. Это – разветвленная система морфологических грамматических форм, которую следует исследовать и описывать, а не упрощать. Без этого представления о языке будут неполными.

Здесь обсуждаются новые наблюдения в теории грамматики лезгинского языка, полученные за последние десятилетия, в основном в исследованиях автора этого текста и его учеников. Но и эти примеры достаточно убедительно показывают, что теория лезгинского языка не стоит на месте, она развивается. В научных исследованиях – статьях, монографиях, кандидатских и докторских диссертациях – на уровне современной лингвистической парадигмы продуктивно обсуждаются актуальные проблемы грамматики лезгинского языка. Однако эта теория существует как бы сама по себе – совсем «параллельно» языковой практике. Такой вывод напрашивается при знакомстве с изданным 2009 г. «Современным лезгинским языком». По нашему мнению, издания такого рода служат для новых концепций и трактовок в теории языка как бы «пропуском» в языковую практику. Например, «Русская грамматика» 1980 г. содержит сведения в целостную модель консенсусные представления лингвистической науки о грамматической системе русского языка, сложившиеся на момент ее издания. В ней, вкупе с академическим словарем, кодируются сложившиеся нормы литературного языка. Такая грамматика служит ориентиром для языковой практики, для авторов учебной литературы и др. Так в принципе эта книга – «Современный лезгинский язык» – и была задумана. Но она не содержит очень многоного из современных представлений о грамматической системе лезгинского языка, она их не обобщает и не предлагает читателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М.: Высшая школа, 1990. 381 с.
2. Керимов К.Р. Концептуализация компаративной семантики, альтернативная категории степеней сравнения // European Social Science Journal. 2013. № 9-2. С. 217–224.
3. Керимов К.Р. Равенство или неравенство: альтернативы грамматикализации компаративной семантики // Русский язык: исторические судьбы и современность : V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, 18–21 марта 2014 г.) : труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 666.

4. Русская грамматика. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 789 с.
5. Ломоносов М.В. Труды по филологии. 1739–1758 гг. Т. 7: Российская грамматика. М.; Л.: Наука, 1952. 996 с.
6. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
7. Плунгян В.А. В. Предисловие. 2 // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII, ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий / отв. ред. В.А. Плунгян. СПб.: Наука, 2012. С. 7–42.
8. Бондарко А.В., Шелякин М.А., Храковский В.С. [и др.]. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.; АН СССР, Ин-т языкоznания. Л.: Наука, 1987. 347 с.
9. Керимов К.Р. Есть ли категория вида в лезгинском языке? // Вопросы языкоznания. 1996. № 1. С. 125–135.
10. Керимов К.Р. Контрактивная аспектология лезгинского и русского языков / отв. ред. Р.И. Гайдаров. Махачкала, 2002. 266 с.
11. Бараева Х.А. Вид и способы глагольного действия аварского языка в сопоставлении с русским: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2018. 156 с.
12. Дешериев Ю.Д. Грамматика хинаулутского языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 222 с.
13. Кибрек А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П. Фрагменты грамматики хинаулутского языка. М.: Изд-во МГУ, 1972. 379 с.
14. Гайдаров Р.И., Гюльмагомедов А.Г., Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Современный лезгинский язык / отв. ред. М.Е. Алексеев. Махачкала, 2009. 480 с.
15. Гайдаров Р.И. Система имени прилагательного в лезгинском языке. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2000. 77 с.
16. Жирков Л.И. Грамматика лезгинского языка / под ред. М.М. Гаджиева. Махачкала: Даггиз, 1941. 132 с.
17. Керимов К.Р. Субстантивация или детерминация? // Вестник Дагестанского научного центра. 2024. № 93. С. 102–112.
18. Керимов К.Р., Ханбалаева С.Н. Категория таксиса в разноструктурных языках (русском, лезгинском, даргинском, аварском, английском). М.: Academia, 2009. 239 с.
19. Ханбалаева С.Н. Алломорфизм выражения таксисных отношений (на материале русского и лезгинского, а также даргинского, аварского и английского языков) : дис. ...д-ра филол. наук. М.: Ин-т языкоznания РАН, 2010. 320 с.
20. Керимов К.Р. Причастия или деепричастия? Или формы вида? (К интерпретации форм парадигмы глагола в языках со словоизменительной категорией вида/аспекта) // Вестник Дагестанского научного центра. 2021. № 81. С. 60–66.
21. Недялков В.П., Отаина Т.А. Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 296–319.
22. Алиева Э.Н. Функционально-семантическая категория модальности и ее реализация в разноструктурных языках (на материале русского, английского и лезгинского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. М.: Ин-т языкоznания РАН, 2010. 263 с.
23. Керимов К.Р. Сколько наклонений в лезгинском языке // Гомер XX века : материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 6 июня 2024 г. М.: Пере, 2024. С. 112–117.
24. Эмирова Д.М., Керимов К.Р. Временные формы со сложной темпоральной ориентацией в лезгинском и английском языках / Дагестанский государственный университет. М.: Парнас, 2018. 136 с.

Поступила в редакцию 12.05.2025 г.
Принята к печати 30.09.2025 г.

***

Керимов Керим Рамазанович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Дагестанский государственный университет; e-mail: kerimk@mail.ru

Kerim R. Kerimov, Doctor of Philology, professor, professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dagestan State University; e-mail: kerimk@mail.ru